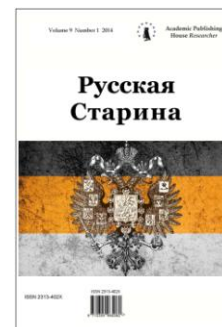

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 13, Is. 1, pp. 62-69, 2015

DOI: 10.13187/rs.2015.13.62
www.ejournal15.com

Casus: the History of Russia in the Small Peas

UDC 94

Professors of Higher Schools of Southern Russia «About Time and Themselves» (the Beginning of the 1920s)

Anna N. Eremeeva

Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachov, Russian Federation
Southern branch
Dr. (History), Professor

Abstract

The article discusses the feelings of professors of the universities of Southern Russian in the early 1920s. The author noted connection of these feelings with the period of «counter-revolution», as well as problems of the present such as arrests of colleagues, the impossibility of fully scientific work and teaching, and everyday difficulties. Special attention is paid to ways of expressing feelings.

Keywords: Southern Russia; the beginning of the 1920s; scientific intelligentsia; professional activities; livelihood; reflection; ways of expressing feelings.

Введение

В знаменитом, давно разорванном на цитаты Вступлении в поэму «Во весь голос» Владимир Маяковский предложил профессору из будущего снять «очки-велосипед» и выслушать истинную, из первых уст историю о роли поэта в революционной России. Речь «агитатора, горлана-главаря» отличалась повышенной эмоциональностью, использованием не вполне нормативной лексики, верой в светлое будущее страны Советов и в непреходящее значение в ней собственной поэзии.

Современники Маяковского из числа профессуры не только «крыли эрудицией вопросов рой» в студенческих аудиториях и на научных форумах, но и эмоционально реагировали на изменения, происходившие в стране и в академическом сообществе. При этом их чувства далеко не всегда озвучивались «во весь голос» и, как правило, облекались в максимально безопасные речевые конструкции (особенно в публичном пространстве).

В данной статье рассматриваются переживания профессоров южнороссийских вузов начала 1920-х гг., связанные с недавним прошлым и новой действительностью, профессиональной деятельностью и бытовыми проблемами. Особое внимание обращается на артикуляцию данных переживаний.

Материалы и методы

Источниковая база работы включает делопроизводственную документацию вузов, властных структур (протоколы заседаний, отчеты, деловую переписку, заявления и проч.), а также источники личного происхождения – автобиографии, анкеты, мемуары, личную переписку. Последняя представлена в основном письмами известных не только в России, но и за ее пределами геологов – профессоров Донского политехнического института (Новочеркасск) П.Н. Чирвинского и П.П. Сущинского академику А.Е. Ферсману. Используются материалы Архива Российской академии наук, Государственного архива Ставропольского края, Государственного архива Краснодарского края, Государственного архива Ростовской области. В качестве методов исследования применены реконструктивный, сравнительно-исторический, типологический, герменевтический. При анализе текстов обращается внимание на структуру, имеющиеся исправления (в условиях дефицита бумаги ими изобилуют документы), язык, особенности аргументации.

Обсуждение и результаты

Период Первой мировой и Гражданской войн на Юге России оказался благоприятным для развития высшего образования в результате эвакуации университетов и институтов из зоны военных действий, а затем миграции значительной части населения (в т.ч. научной интеллигенции и молодежи – потенциальных студентов) из столиц. Новые вузы появились в Ростове-на-Дону (прежде всего, университет, эвакуированный из Варшавы), в Новочеркасске, в Екатеринодаре, в Ставрополе.

Осознание скорой победы большевиков в Гражданской войне привело к эмиграции части научной интеллигенции. Те, кто остался, не прекратили профессиональную деятельность, востребованную ввиду продолжавшегося вузовского строительства.

Установление советской власти на Дону, Ставрополье, Кубани произошло в разгар 1919-1920 учебного года. Руководство вузов оказалось перед необходимостью буквально в одночасье установить контакты с новой властью, чтобы продолжать выплачивать жалование, обеспечивать отопление и освещение помещений, освободить от мобилизации студентов и молодых преподавателей, от реквизиции – приборы и инструменты из институтских кабинетов, имущество сотрудников, ходатайствовать за арестованных и т.д.

Введение НЭПа вызвало сокращение государственных дотаций на образование и науку. Началась реорганизация вузов; основная роль в их содержании отводилась местному бюджету. Профессорские забастовки в столицах способствовали принятию в декабре 1921 г. Декрета об улучшении быта ученых. На местах, в т.ч. на Юге, создавались отделения Центральной Комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ). Уже в 1920–1922 гг. многие столичные профессора, занесенные ветром революции на Юг, вернулись в Москву и Петроград [1].

Собственно изменение политической ситуации практически не комментировалось в вузовском делопроизводстве и личной переписке. Обсуждались лишь отдельные проявления и «вызовы» новой эпохи. Причем те, кто говорили и писали, как правило, избегали морально-этических оценок, ограничиваясь констатацией фактов и нередко предложениями по преодолению тех или иных проблем. В личной переписке насущные вопросы повседневности часто «маскировались»: их помещали в середину послания, между малопонятными потенциальным цензорам рассуждениями на научные темы, таблицами, графиками, формулами.

Недавнее прошлое было одной из болезненно переживаемых и одновременно опасных для обсуждения тем. В длительный период «контрреволюции» на Юге профессора в большей или меньшей степени контактировали с денкинским и казачьими правительствами. Компетенции ученых были востребованы не только в сфере народного образования и науки, но и в различных министерствах, управленческих структурах, пропагандистских органах.

Для новой власти политическое поведение служащих государственных учреждений, в т.ч. вузов, в годы Гражданской войны представляла особый интерес. Об этом говорят специальные пункты анкеты, которую заполняли все профессора – о членстве в партиях, участии в Февральской и Октябрьской революциях, деятельности в 1917–1920 гг., службе в царской и Белой армиях. В ответах нередко упоминалась срочная служба и мобилизация в

годы Первой мировой войны; стабильно приводилась информация о преподавании в средних и высших учебных заведениях в революционные годы. О других видах деятельности упоминалось редко, как и о членстве в какой-либо партии. Это, однако, не исключало возможности в любой момент быть разоблаченным и подвергнуться репрессиям. Как образно выразился ректор Московского университета М.М. Новиков, «репутация и даже судьба человека того времени была подобна утлой скорлупке, плавающей на разбушевавшихся волнах бурного моря. И профессора университета находились в постоянной опасности ареста» [2]. На территориях бывшей «белой» России это ощущалось еще больше, чем в столицах.

Сразу после окончания Гражданской войны началось осмысление истории научной жизни революционной эпохи. В советских журналах («Наука и ее работники», «Книга и революция» и др.), в берлинском издании «Русская книга» («Новая русская книга») выходили небольшие «сообщения с мест», авторами которых были представители различных областей научного знания. Причем интерес проявлялся к научной жизни не только советской России, но и регионов, длительное время находившихся под властью антибольшевистских режимов [3]. Однако далеко не все ученые откликнулись просьбы академического руководства. П.Н. Чирвинский писал А.Е. Ферсману в апреле 1921 г.: «Статью о нашей работе в Новочеркасске и условиях ее можно бы, конечно, написать. Но избыток фигур умолчания, что необходимо должно быть правду сказать, отбивает охоту браться за нее» [4]. Ученые боялись привлечь внимание к факту пребывания и профессиональной деятельности (собственной и своих коллег) в «белой» России. Впоследствии многие «отредактировали» свои биографии, практически вычеркнув из них 1918-1919 гг.

Упоминания о работе вузов период «контрреволюции» происходило достаточно редко, только в случае крайней необходимости. Например, в рамках отправленных в Донской отдел народного образования комментариев к «требовательным ведомостям на выдачу содержания и вознаграждений за 1919 г. служащим Университета, не получившим таковое до вступления советских войск» [5].

Недавнее прошлое висело Дамокловым мечем практически над всеми профессорами. Уже в 1920 г. начались аресты. В Ростове-на-Дону расстреляли приват-доцента эпидемиолога А.Н. Успенского, профессора-невропатолога А.А. Жандра, физиолога З.В. Гутникова – членов созданного в годы Гражданской войны при Донском университете Трудового общества медиков и медичек, формировавшего санитарные отряды для оказания помощи раненым и больным тифом. Данное общество в начале июня 1920 г. было объявлено контрреволюционным и черносотенным университетской коммюникой и комсомолом [6].

Вышей меры чудом избежал известный юрист, профессор Донского университета И.А. Малиновский: наказание ограничилось пребыванием в лагерях.

На заседаниях Совета Кубанского политехнического института (КПИ) вопрос об арестах нередко фигурировал в качестве внепланового. 14 мая одним из пунктов повестки дня был «Об аресте преподавателя Института А.А. Юнгера» [7]. 25 июня 1920 г. ректор А.А. Радциг сообщил «о произведенном в ночь на 17 и 18 сего июня аресте пяти преподавателей института». И добавил: «После обращения института в Кубано-Черноморскую ЧК все преподаватели освобождены» [8]. 6 июля 1920 г. стало известно об аресте преподавателя статистики Д.Н. Мерхалева [9]. 21 сентября 1921 г. профессора А.Н. Ленский, А.И. Дрбоглав, А.А. Малигонов, В.А. Казанцев информировали Совет об аресте профессора В.А. Удинцева, «происшедшем сегодня утром после безрезультатного обыска» [10].

Дочь профессора КПИ, изобретателя телевидения Б.Л. Розинга Л.Б. Твелькмeyer вспоминала: «Этим летом (1920 г. – А.Е.) нам с папой пришлось приобрести новый жизненный опыт – мы с ним были арестованы. В одну ночь были арестованы все бывшие дворяне, мы попали в эту категорию, бывшие военные, и “не вовремя приехавшие”, т.е. прибывшие в Екатеринодар во время белых. Перед этим были всеми заполнены соответствующие анкеты, которым мы не придали значения» [11].

Упомянутые Л.Б. Твелькмeyer (и ранее в статье) анкеты стали для инициаторов ареста важным информационным каналом. Хотя использовались и другие источники информации,

например, документы вузов и иных учреждений предыдущих лет, в т.ч. жизнеописания (Curriculum Vitae) сотрудников. Арестованный 2 июля 1920 г. Д.Н. Мерхалев в анкете «для лиц, состоящих на службе в КПИ и для вновь поступающих на службу», распространяемой Комиссией по учету служащих в советских учреждениях Кубано-Черноморской области, указал, что был с 1906 г. членом партии эсеров и за революционную деятельность в 1910 г. сослан в Архангельскую губернию [12] (этот факт по понятным причинам не фигурировал в жизнеописании, представленном а мае 1919 г., еще до установления советской власти, руководству института [13]). Кроме того, Мерхалев честно написал, что в 1919 г. не только преподавал в КПИ, но и работал в статистико-экономическом отделе Ведомства торговли и промышленности Кубанского краевого правительства [14]. Последняя информация, вероятно, и стала поводом для ареста.

Художника-архитектора, преподавателя КПИ, заведующего секцией изобразительного искусства подотдела искусств Областного отдела народного образования А.А. Юнгера арестовали через две недели после празднования 1 мая, оформлением которого он руководил по заданию «сверху». В его жизнеописании фигурировало проектирование в 1918-1919 г. екатеринодарских Дворца просвещения и искусств и Военного городка с церковью, юнкерским училищем, общежитием для офицеров и т.д. [15] Кроме того, против бывшего «сатириконовца» могли «свидетельствовать» антибольшевистские карикатуры в денкинской прессе – например, в издававшемся в Екатеринодаре журнале «Шипы».

Ректор МГУ М.М. Новиков вспоминал, что «одной из тяжелых обязанностей ректора были хлопоты об освобождении заключенных коллег. Обыкновенно эти хлопоты увенчивались успехом, потому что никаких серьезных обвинений нашим профессорам предъявить было нельзя. Но все-таки надо было изыскивать наиболее удобные и верные пути для этих хлопот» [16]. На Юге, с учетом недавнего прошлого и возможности предъявления разнообразных обвинений в отношении профессоров, руководству вузов нужно было действовать вдвойне осторожно.

Протоколы заседаний Совета КПИ и входящие документы Ревкома свидетельствуют о следующих составляющих «линии защиты»: действия власти констатировались, но не обсуждались и не оценивались, личности арестованного давалась оценка только как профессионала, практически незаменимого, необходимого вузу и возрождавшемуся народному хозяйству региона. В ходатайстве КПИ в областной Ревком по поводу Д.Н. Мерхалева от 3 июля 1920 г. читаем следующее: «2-го июля утром во время нахождения по месту службы в Обстатбюро был арестован преподаватель Кубанского политехнического института Дмитрий Николаевич Мерхалев. Ввиду того, что допроса <...> еще не было произведено, Институт не осведомлен о причинах ареста и последствиях его. Однако Кубанский политехнический институт считает возможным теперь же обратиться к ОБКУБРЕВКОМУ с ходатайством, не будет ли найдено возможным – во-первых, ускорить с выяснением причин ареста и во-вторых, если эти причины окажутся не слишком важными, содействовать освобождению Д.Н. Мерхалева от задержания, с заменой последнего в случае надобности какой-либо иной мерой. Независимо от преподавательских обязанностей по одному из важнейших предметов преподавания – статистики, Д.Н. Мерхалев занят в настоящее время как член особой комиссии по учету убытков, причиненных войной и блокадой Кубанского края – особенно спешными работами, возложенными на него председателем названной комиссии, как известно, командированным в Новороссийск. <...> В качестве статистика он именно должен разработать важнейшие данные, которые приказано направить в Москву, в особую комиссию, при Совете Обороны организованную. Арест Мерхалева задержит эти работы и может быть даже лишит возможности комиссию выполнить поручение в важнейшей его части» [17].

Ходатаи из КПИ, желая освободить профессора В.А. Удинцева (товарища министра народного просвещения Российской империи на рубеже 1916-1917 гг.), настаивали на том, что «Удинцев является единственным и совершенно незаменимым специалистом частного права РСФСР, что присутствие его в институте является безусловно необходимым и в высшей степени ценным» [18].

Заметим, что и Мерхалев, и Удинцев вскоре были освобождены и покинули Кубань, продолжив свою профессиональную деятельность соответственно в Сибири и Азербайджане.

Аресты коллег, а также имевшиеся факты изъятия имущества создавали ощущение нестабильности. Его усиливали действия властей в отношении студентов. Как отмечает историк А.Ю. Рожков, «на Кубани, маркированной властями “оплотом белогвардейщины”, “чистка” учащихся началась ещё осенью 1921 г. В Кубанском мединституте доля исключённых составляла более половины: из 720 студентов, подвергшихся перерегистрации, 437 (61 %) были отчислены. После “чистки” во все вузы страны рассылались “чёрные” списки. Для студентов, не прошедших перерегистрацию, закрывались двери в другие учебные заведения» [19]. Подобное происходило и на Дону.

Неудовлетворенность профессуры возможностью ведения полноценной научной деятельности в провинции зафиксирована во множестве документов – как в делопроизводственных, так и личного происхождения. Публичные высказывания, разумеется, были более сдержанными. Например, известный ботаник, профессор КПИ В.М. Арнольди на заседании Совета института 2 марта 1921 г. обозначил основные негативные моменты через освещение позитивных перемен в столичной академической среде. В докладе о положении высшей школе в Центре звучало следующее: «Высшие школы Москвы получили журнальную литературу последнего времени на немецком и английском языках. Научная деятельность в центре протекает чрезвычайно активно. Положение профессоров в Центре резко отличается от такового на Кубани. Благодаря полному обеспечению профессоров квартирами и продовольствием вопрос о добывании пищи не стоит остро и не мешает вести научную работу в чрезвычайно широком масштабе. Недостаток специалистов остро чувствуется в Центре, и если условия жизни окраин не будут изменены и сделаны сносными, то центр увлечет всех специалистов России» [20].

Ректоры информировали компетентные инстанции о тяжелом материальном положении персонала и студентов вузов. Стоявший во главе Донского университета А.Н. Бартенев в декабре 1920 г. сообщал Наркому просвещения А.В. Луначарскому, что из-за отсутствия достаточных пайков профессора «не имеют возможности всецело посвятить свои силы работе в университете, т.к. получаемое содержание далеко не обеспечивает их в материальном отношении и заставляет искать побочные заработки» [21]. В письме Наркому продовольствия уточнялось, что профессора вынуждены искать работу там, где она оплачивается «натурой». Ректор ходатайствовал «о разрешении получать такой же паек как в столицах», т.к. здесь «паек по 1-й категории слишком мал: на месяц – 1 фунт постного масла, полфунта сахара, 300 папирос, полфунта мыла, 1 фунт соли, 2 коробки спичек, четверть фунта горчицы, 5 фунтов керосина и 45 фунтов хлеба» [22]. В январе 1921 г. в письме в Рабоче-крестьянскую инспекцию ректор определил положение своего вуза как «жалкое во всех отношениях». В итоге «жалкое» было зачеркнуто и заменено на «неудовлетворительное». Зачеркнутой оказалась и следующая фраза: «При настоящих канцелярских мытарствах и волоките бумаги разного характера, чаще всего очень нужные и весьма спешные, по неделям гуляют в учреждениях без всякого движения» [23].

Исполняющий обязанности директора Ставропольского сельскохозяйственного института, командируя в июле 1921 г. представителя вуза в Ростов-на-Дону за обувью и обмундированием, в ходатайстве отмечал «крайне тяжелое положение личного состава Института, изношенность и отсутствие обуви и одежды у которого дошла буквально до крайних пределов, что с приближением осеннего и зимнего периодов грозит остановкой всей работы института» [24].

Руководитель КПИ Ф.Н. Веригин констатировал на Совете 30 июля 1921 г.: «Положение преподавателей и студентов в настоящее время прямо отчаянное (в протоколе «отчаянное» зачеркнуто и заменено на «тяжелое» – А.Е.). Студенты не получают жалование за 3 месяца и пайка 2 месяца, профессора по внекатегорным ставкам не получили еще жалование за май. Целые дни приходится бегать с утра до вечера, только этим занимаемся и безо всякого успеха» [25]. «Не имея больше никаких средств в своем распоряжении и не видя никакого выхода из создавшегося положения», ректор просил освободить его должности [26]. Члены Совета, однако, переубедили своего руководителя.

В переписке ученых и других источниках личного происхождения фигурируют постоянные сожаления о невозможности полноценно заниматься научной работой из-за задачи элементарного физического выживания. Востоковед Б.А. Леман, в революционные годы бежавший из Петрограда на Кубань, сообщал в анкетном листке подотдела печати

агитотдела Кубано-Черноморского областного Политпросвета в июне 1921 г., что преподает в Кубанском университете, рабочем университете, является лектором Института народного образования, курсов Поарма IX (Политотдела 9-ой армии – А.Е.), Высшей партийной школы, дошкольных курсов Оботнароба, Пролеткульта и Кубанской консерватории [27]. Кроме того, он, наряду с несколькими профессорами консерватории (в числе которых был поэт и переводчик С.Я. Маршак, известные композиторы В.А. Золотарев и С.С. Богатырев), поэтессой Е.И. Васильевой, актерами, активно участвовал в организации Театра для детей. Суть своей повседневности Б.А. Леман в письме библиографу Е.Я. Архипову определил следующим образом: «Быт съедает жизнь» [28].

«Работать приходится очень мало – почти все время уходит на добычу пропитания: академические пайки переведены в Ростов, и вывезти их оттуда – громадное затруднение. Часто мечтаю о том, что хорошо бы перебраться в Петроград, но теперь это крайне затруднительно» – писал А.Е. Ферсману П.П. Сущинский 21 октября 1921 г. [29] В январе 1922 г. он жаловался: «Наши кабинеты этой зимой совершенно не отапливаются и сидеть в них почти невозможно» [30].

Коллега П.П. Сущинского П.Н. Чирвинский сообщал тому же А.Е. Ферсману в апреле 1921 г., что обрабатывает огород в 5-ти верстах от Новочеркасска и замечал при этом: «Скорблю, что не вижу ни одного научного заграничного журнала (Вы все-таки таковые видите) <...> Пишите вообще и подробнее о научных работах, а то одичать можно совсем» [31]. Ровно через год (17 апреля 1922 г.) Чирвинский включил в самую середину письма чисто научного содержания следующий абзац: «Я кое-как умудряюсь работать – но очень трудно <...> мор от голода, каннибальство (раз выхожу около крыльца, там гложет собака женскую стопу), засол людей (больше детей) в кадках. Словом строительство в полном ходу» [32]. Обратим внимание – страшные иллюстрации голода на Дону сопровождаются недвусмысленным, но достаточно сдержанным комментарием, свидетельствующем об осознании возможных негативных последствий эмоциональных характеристик, как для адресанта, так и для адресата.

Пессимистичная тональность документов характерна именно для начала 1920-х гг. Уже с 1923 г. и вузовское делопроизводство, и личная переписка демонстрируют то, что жизнь постепенно налаживается. Негативные примеры из первых лет после окончания Гражданской войны начинают использоваться как аргументы в пользу дальнейшей положительной динамики.

Выводы

Переход от Гражданской войны к миру на территориях, бывших в 1918–1920 гг. ареной непримиримого противостояния, сопровождался серьезными трансформациями в мироощущении населения. Это хорошо просматривается на примере южнороссийской профессуры. Документы делопроизводства и особенно источники личного происхождения изобилуют негативной информацией, демонстрируя депрессивные настроения. Анализ текстов начала 1920-х гг. позволяет констатировать появление комплекса переживаний, связанных как с деятельностью научной интеллигенции в недавнем прошлом (сотрудничеством в различных формах с «контрреволюционными» режимами), так с реалиями настоящего (арестами, невозможностью полноценно заниматься научной и преподавательской деятельностью, бытовой неустроенностью, общей разрухой). Способы выражения данных переживаний, по крайней мере, в доступных нам письменных источниках, свидетельствуют об ограничениях, которым осознанно подвергали профессора во избежание репрессий. Данные ограничения касались оценочных суждений в отношении действий новой власти

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект 14-01-00239 «Чувства под контролем: повседневность провинциального города 1920-1930-х годов в ракурсе культурной истории эмоций».

Примечания:

1. См.: Еремеева А.Н. «Или уеду, или умру»: «выездные» настроения интеллигенции южнороссийских городов в начале 1920-х гг. // История и историки в контексте времени. 2014. № 2. С. 84–91.
2. Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. С. 123.
3. См. напр.: Павлов Д. Из научной жизни провинции. На Северном Кавказе // Наука и ее работники. 1921. № 1. С. 28–29.
4. Архив Российской Академии наук (далее – АРАН). Ф. 544. Оп. 8. Д. 526. Л. 39-39 об.
5. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-1818 Оп. 1. Д. 3. Л. 130.
6. Морозова О.М. Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. С. 127.
7. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 1400. Л. 251.
8. ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 1400. Л. 270 об-271.
9. ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 1400. Л. 273 об.
10. ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 1400. Л. Л. 326 об.
11. Твелькмейер Л.Б. Мой отец и его окружение // Нестор. № 12. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Русская жизнь в мемуарах. Из семейных архивов. СПб., 2008. С. 91.
12. ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 365. Л. 17.
13. ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 365. Л. 1.
14. ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 365. Л. 17.
15. ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 660. Л. 15-15 об.
16. Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. С. 123.
17. ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 19. Л. 210.
18. ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 1400. Л. 326 об.
19. Рожков А.Ю. Советизация вузов: кубанский сценарий (1920-е годы) // Еремеева А.Н., Рожков А.Ю., Стругова М.Р. Наука и власть: кубанский контекст (1917–1941) /. Краснодар: Кубанькино, 2010. С. 72.
20. ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 1400. Л. 309 об.–310.
21. ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 39. Л. 26.
22. ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 39. Л. 27.
23. ГАРО. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 39. Л. 73.
24. Государственный архив Ставропольского края. Ф. Р-89. Оп. 1. Д. 73. Л. 34.
25. ГАКК. Ф. Р-229. Оп. 1. Д. 1400. Л. 317.
26. Там же.
27. ГАКК. Ф. Р-142. Оп. 1. Д. 4. Л. 47.
28. Черубина де Габриак. Из мира уйти неразгаданной... Феодосия-Москва, 2009. С. 90.
29. АРАН. Ф. 544. Оп. 8. Д. 462. Л. 31.
30. АРАН. Ф. 544. Оп. 8. Д. 462. Л. 35 об.
31. АРАН. Ф. 544. Оп. 8. Д. 526. Л. 39–39 об.
32. АРАН. Ф. 544. Оп. 8. Д. 526. Л. 44 об.

References:

1. Sm.: Eremeeva A.N. «Ili uedu, ili umru»: «vyezdnye» nastroeniya intelligencii yuzhnorossijskih gorodov v nachale 1920-h gg. // Istoriya i istoriki v kontekste vremeni. 2014. №2. S. 84-91.
2. Novikov M.M. Ot Moskvyy do N'yu-Jorka. Moya zhizn' v nauke i politike. N'yu-Jork, 1952. S. 123.
3. Sm. napr.: Pavlov D. Iz nauchnoj zhizni provincii. Na Severnom Kavkaze // Nauka i ee rabotniki. 1921. №1. S. 28-29.
4. Arhiv Rossijskoj Akademii nauk (dalee – ARAN). F. 544. Op. 8. D. 526. L. 39 -39 ob.
5. Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti (dalee – GARO). F. R-1818 Op. 1. D. 3. L. 130.

6. Morozova O.M. Cari, kazaki, krasnye komandiry... Sem' ocherkov v zhanre istoriko-psihologicheskogo portreta. Rostov n/D: Izd-vo YUNC RAN, 2010. С. 127.
7. Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja (dalee – GAKK). F. R-229. Op. 1. D. 1400. L. 251.
8. GAKK. F. R-229. Op. 1. D. 1400. L. 270 ob-271.
9. GAKK. F. R-229. Op. 1. D. 1400. L. 273 ob.
10. GAKK F. R-229. Op. 1. D. 1400. L. L. 326 ob.
11. Tvel'kmejer L.B. Moj otec i ego okruzhenie // Nestor № 12. Zhurnal istorii i kul'tury Rossii i Vostochnoj Evropy. Russkaya zhizn' v memuarah. Iz semejnyh arhivov. SPb, 2008. S. 91.
12. GAKK. F. R-229. Op. 1. D. 365. L. 17.
13. GAKK. F. R-229. Op. 1. D. 365. L. 1.
14. GAKK. F. R-229. Op. 1. D. 365. L. 17.
15. GAKK. F. R-229. Op. 1. D. 660. L. 15-15 ob.
16. Novikov M.M. Ot Moskvy do N'yu-Jorka. Moya zhizn' v nauke i politike. S. 123.
17. GAKK. F. R-158. Op. 1. D. 19. L. 210.
18. GAKK. F. R-229. Op. 1. D. 1400. L. 326 ob.
19. Rozhkov A.YU. Sovetizaciya vuzov: kubanskij scenarij (1920-e gody) // Ereemeeva A.N., Rozhkov A. YU., Strugova M. R. Nauka i vlast': kubanskij kontekst (1917–1941) /. Krasnodar: Kuban'kino, 2010. S. 72.
20. GAKK. F. R-229. Op. 1. D. 1400. L. 309 ob. - 310.
21. GARO. F. R-46. Op. 1. D. 39. L. 26.
22. GARO. F. R-46. Op. 1. D. 39. L. 27.
23. GARO. F. R-46. Op. 1. D. 39. L. 73.
24. Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja. F. R-89. Op. 1. D. 73. L. 34.
25. GAKK. F. R-229. Op 1. D. 1400. L. 317.
26. GAKK. F. R-229. Op 1. D. 1400. L. 317.
27. GAKK. F. R-142. Op. 1. D. 4. L. 47.
28. Cherubina de Gabriak. Iz mira ujti nerazgadannoj... Feodosiya-Moskva, 2009. S. 90.
29. ARAN. F. 544.Op. 8. D. 462. L. 31.
30. ARAN. F. 544.Op. 8. D. 462. L. 35 ob.
31. ARAN. F. 544. Op. 8. D. 526. L. 39-39 ob.
32. ARAN. F. 544. Op. 8. D. 526. L. 44 ob.

УДК 94

**Профессора южнороссийских вузов «о времени и о себе»
(начало 1920-х гг.)**

Анна Натановна Еремеева

НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Южный филиал, Российская Федерация
350063, Краснодар, ул. Красная, 28, оф. 28
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: eranna2000@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются переживания профессоров южнороссийских вузов начала 1920-х гг. Отмечается связь переживаний с недавним прошлым – периодом «контрреволюции», а также с проблемами настоящего – арестами коллег, невозможностью полноценной научной работы и преподавания, бытовыми трудностями. Особое внимание обращается на способы выражения переживаний.

Ключевые слова: Юг России; начало 1920-х гг.; научная интеллигенция; профессиональная деятельность; жизнеобеспечение; рефлексия; способы выражения чувств